

Самая неслучайная встреча

Автор:

[Дэни Коллинз](#)

Самая неслучайная встреча

Дэни Коллинз

Любовный роман – Harlequin #781

Американский миллиардер Ставрос Ксенакис мечтает вырваться из-под опеки своего богатого деда, который постоянно учит его жизни. Вот и сейчас старик требует от внука скорее обзавестись семьей. Устав от постоянного контроля, Ставрос соглашается на авантюру, предложенную его другом Себастьяном: он должен приехать на свою родину, в Грецию, и устроиться чистильщиком бассейнов в особняк, в котором когда-то жил. Правда, есть несколько условий – Ставросу нельзя брать с собой деньги и кредитные карты. Также ему временно приходится сменить имя. На своей новой работе Ставрос знакомится с очаровательной экономкой Калли. Девушка когда-то столкнулась с предательством мужчины, и единственное, чего она сейчас по-настоящему желает, – вернуть своего ребенка. Для этого ей нужно отправиться в Нью-Йорк, и Калли решается на фиктивный брак со своим новым знакомым, Ставросом...

Дэни Коллинз

Самая неслучайная встреча

Xenakis's Convenient Bride

© 2017 by Dani Collins

«Самая неслучайная встреча»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Пролог

Ставрос Ксенакис бросил жетоны на сумму в двадцать тысяч евро на стол. Сегодня он был недоволен результатом игры, но это не было связано с его партнерами или его личным невезением.

Его давний друг Себастьян Аткинсон, как обычно, организовал вечеринку после очередного выброса адреналина. Друзья часто так расслаблялись.

На экстремальных спортивных состязаниях присутствовало много народу, но только Антонио Ди Марчелло и Алехандро Салазар были так же богаты, как Ставрос и Себастьян. Ставрос не был таким снобом, как его дед, но и не считал большинство равным себе. Однако эти трое были ему ровнями, и по этой причине ему нравилась их компания. И этот вечер – не исключение. Они все еще находились под впечатлением от сегодняшних игр со смертью, попивая виски «Макаллан» 1946 года и добродушно подшучивая друг над другом.

Но почему он так нервничал?

Ставрос вспомнил сегодняшний спуск на лыжах, когда он спустился по крутому склону до края обрыва и взмыл в воздух на своем парашюте вдоль горного хребта, затем приземлился и помчался по другому склону, нарезая крутые повороты перед новым прыжком в пустоту.

Он напрасно думал, что сегодняшний спуск поможет ему избавиться от отчаяния, которое преследовало его по пятам. Оно могло покинуть его на пару часов, но неизбежно появлялось вновь.

Себастьян посмотрел на него через стол, явно пытаясь определить, не блефует ли Ставрос.

– Как дела у твоей жены? – спросил Ставрос, пытаясь понять, мог ли брак Себастьяна считаться счастливым.

– С ней поинтереснее, чем с тобой. Почему ты сегодня такой мрачный?

Его состояние стало заметно окружающим. Он скорчил гримасу.

– Я еще ни разу не выиграл.

И поскольку он был в кругу друзей, он признался:

– А еще мой дед угрожает оставить меня без наследства, если я не женюсь в ближайшее время. Я бы послал его куда подальше, но...

– Твоя мать... – подсказал Алехандро.

– Именно!

Друзья знали о его ситуации. Ставрос терпел все прихоти деда из-за своей матери и сестер. Он не мог потерять свое наследство, потому что тогда свои доли наследства потеряли бы и они.

Но ему пришлось бы остепениться. Дед пытался руководить жизнью Ставроса с того момента, когда ему исполнилось двенадцать лет. Позже старик стал требовать, чтобы Ставрос наконец-то женился и произвел на свет наследника.

Но Ставрос не поддавался и боролся за власть со стариком. Ему не давало покоя, что он по-прежнему контролировал семейный фармацевтический бизнес.

Ставрос, может, и был прожигателем жизни, но его упорство и настойчивость уже принесли компании «Динами» несколько крупных побед на фармацевтическом рынке. Он был готов взять на себя управление всем бизнесом. Жена и дети не вписывались в его картину жизни, но его дед, очевидно, считал, что, женившись и обзаведясь потомством, Ставрос докажет, что стал зрелыми и ответственным мужчиной.

Откуда у его деда появилась эта идея, Ставрос не знал.

Он повысил ставку до ста тысяч, хотя по-прежнему проигрывал. Ну что ж, он моментально потерял и эти сто тысяч.

Они продолжали играть, пока Себастьян не спросил:

– А вам не кажется, что мы проводим слишком много времени за подсчетом денег и в погоне за приключениями, вместо того чтобы заняться чем-то более существенным?

– Ну вот, – сказал Антонио, передвигая пригоршню жетонов в сторону Алехандро. – Выпил и начал философствовать.

Себастьян тоже подтолкнул свои жетоны к Алехандро и бросил на Ставроса недовольный взгляд.

– Я сказал три, – пожал плечами Ставрос, – мне опять не повезло.

– Я говорю серьезно. – Себастьян был единственным среди них, кто сам создал благосостояние. Безработная мать воспитывала сына без отца. Он родился и вырос в стране, где связи и титулы значили и сейчас больше, чем количество денег на счете. То, что он был немного старше остальных и обладал большим опытом, давало ему право учить их жизни. Он не боялся высказывать свое мнение и редко ошибался. Все трое прислушивались к нему, но он начинал говорить слишком витиевато, когда был навеселе. – Для нас это лишь числа на бумаге. Точки на электронном табло. Но что это означает для нас? На деньги нельзя купить счастье.

– Но на деньги можно приобрести заменители счастья, – самодовольно ухмыльнулся Антонио.

Себастьян усмехнулся.

– Как, например, твои машины? Или, – он перевел взгляд на Алехандро, – твой остров? Ты даже не пользуешься той яхтой, которой так гордишься, – перевел он взгляд на Ставроса. – Мы покупаем себе дорогие игрушки и играем в опасные игры, но разве наша жизнь становится от этого лучше? А души чище?

– А что ты предлагаешь? – процедил Алехандро, сбрасывая карту и кивком прося ее замены. – Поедем жить в горы к буддистам и будем искать там смысл жизни? Отречемся от мирских благ, чтобы найти внутренний покой?

Себастьян усмехнулся:

– Да вы трое не сможете обойтись и пары недель без ваших денег и громких фамилий. За внешним блеском вы не замечаете реальной жизни.

– Ты хочешь сказать, – сказал Ставрос, отбросив три карты, – что готов жить как раньше, когда у тебя и гроша не было? Голод не делает человека счастливым. Именно поэтому ты сейчас такой богатый паршивец.

– Между прочим, я думаю о том, чтобы пожертвовать половину своего имущества на благотворительность, на основании глобального поисково-спасательного фонда. Не у каждого есть друг, который голыми руками выкопает его из-под снежной лавины. – Себастьян улыбнулся, но остальные остались серьезными.

В прошлом году Себастьян чуть не погиб во время экстремального спуска. Ставрос до сих пор просыпался в холодном поту, когда ему снились те страшные минуты. У него все руки были обморожены, но он изо всех сил пытался спасти Себастьяна. Спасти жизнь человека, которого он очень ценил. Ему становилось плохо от воспоминаний о том происшествии, и он сделал глоток виски, чтобы притупить чувство поднимающейся тошноты.

– Ты это серьезно? – Алехандро внес деньги. – Это что же, пять миллиардов?

– Богатство не возьмешь с собой в могилу, – невозмутимо пожал плечами Себастьян. – Моника в курсе. Но я все еще обсуждаю с ней этот вопрос. Я вот что вам скажу. – Себастьян наклонился вперед, скривив губы в задорной усмешке, которая всегда появлялась на его лице, когда он предлагал совершить какой-то новый отчаянный поступок, например ныряние со скалы. – Вы трое попробуете прожить две недели без ваших кредитных карт. Я к вам присоединюсь.

– Когда начнем? У нас у всех есть дела, – напомнил Алехандро.

Поразмыслив минуту, Себастьян склонил голову:

– Да, ты прав. Давайте уладим сначала все дела. Но будьте готовы к двум неделям в реальном мире.

– Ты действительно собираешься поставить на карту свое имущество? – спросил Алехандро.

– Если ты поставишь на кон свой остров. Твои любимые игрушки. – Он обвел взглядом всех троих. – Я скажу, когда и где.

– Да легко, – сказал Ставрос, уже предвкушая перерыв в общении со своим дедом. – Я с вами!

Глава 1

Четыре с половиной месяца спустя

Она плавала в бассейне на огромном цвета слоновой кости матрасе. На ней был слитный купальник с зелено-розовым геометрическим рисунком, который выгодно оттенял ее загорелое гибкое тело. Ее черные волосы раскинулись над ее головой, а несколько прядей плыли по воде. На ее лице были солнечные очки, а на пальцах ног – красный лак.

Она почти заснула.

Когда Ставрос увидел ее купальник, подчеркивающий грудь, мягко обрисовывающий холмик между ее ног и плавно уходящий под ягодицы, он почувствовал жгучее желание. В его голове уже возникла картина, как он ныряет в бассейн, подплывает к ней и перекатывает ее с матраса в свои объятия, как древний бог украл бы нимфу и уложил бы ее на плетеную софу в тени за водяной занавесью в дальнем углу бассейна.

Единственным звуком во внутреннем дворе, обнесенном высокими стенами, было журчание водопада. Он брал свое начало где-то за поросшей плющом шпалерой, которая образовывала крышу над баром. Этот шум приглушил вздох Ставрота, когда он поставил на землю ящик с инструментами: кувалдой, шпателем и различными замазками.

Он остановился и стал разглядывать девушку.

Возможно, это было и не так плохо – оказаться в должности obsługi бассейна.

Прошлой ночью он стоял в крошечной, душной квартирке без кондиционера и смотрел на Себастьяна взглядом, наполненным искренней яростью.

Его двухнедельное приключение началось, и его новым домом оказалась квартира в доме без лифта, находящаяся над предприятием по обжарке кофе. Запах был ужасный. Ставрос не мог понять, как было хуже: с открытым или закрытым окном. Он оставил окно открытым.

Ставрос мог позволить себе расслабиться на мгновение. Он не переживал из-за потери яхты. Он уже столько раз испытывал судьбу, прыгая со скал, платформ и самолетов на высоте двадцать тысяч футов, что он мог бы не колебаться и спокойно сойти с парама на землю, на которой родился.

Но ему было не по себе.

Поэтому он чувствовал себя трусом.

Ставрос заставил себя сойти на берег и пойти на свою новую квартиру, в которой обнаружил, как Антонио, доисторический мобильный телефон и пачку наличных: двести евро. Деньги на обед, сущие копейки. Но если Антонио получил пару комбинезонов, Ставросу достались пляжные шорты.

Они должны были прожить две недели без денег, но очевидно, что чувство собственного достоинства проверялось еще в самом начале. Хорошо хоть, что его рабочей одеждой не были облегающие трусы, так популярные на европейских пляжах. Его униформа состояла из шорт в желто-белую полоску и оранжевой футболки.

Скосив глаз на логотип, Ставрос прочел надпись на греческом языке с той же легкостью, с какой он читал по-английски, и почувствовал себя оскорбленным. «Обслуживание бассейнов острова Закинф». Себастьян попросил выделить время для отпуска, позаботиться о том, чтобы все дела были завершены, а затем отправил его работать смотрителем бассейнов.

В мобильном телефоне Ставроса было всего три контактных номера: Себастьяна, Антонио и Алехандро. Он сделал фотографию своих инструментов и отослал ее Антонио, написав: «Это правда? Если окажется, что это принадлежит мне, то тебя ожидает еще больше сюрпризов».

Антонио обнаружил своего сына. Разве мог быть еще больший сюрприз?

Если бы у Ставроса тоже нашелся ребенок на этом острове, это было бы чудом. Он покинул остров в двенадцатилетнем возрасте и только один раз поцеловал девушку до своего отъезда. С тех пор, как он переехал в Америку, рискованный стиль жизни стал для него нормой. Девственность он потерял в возрасте четырнадцати лет. Его первая девушка училась в старших классах той школы, в которую зачислили Ставроса. Ей нравилась черная подводка для глаз, темно-красная помада и молодые люди, горящие желанием научиться премудрости ублажать женщин. Больше всего она любила хулиганов, а он и был одним из них.

Год спустя он добился близости с секретаршей своего деда, а затем и с няней своей младшей сестры. Нельзя сказать, чтобы он гордился своими новыми победами, но и не сожалел о них, как, вероятно, ему следовало. Секс был одной из немногих вещей, доставлявших ему радость в те дни.

Близость с этой женщиной наверняка скрасит сегодняшний унылый день. Да и не только сегодняшний, а все предстоящие четырнадцать дней.

У Ставроса вновь возникло дурное предчувствие. Это испытание не было просто попыткой в течение двух недель выдавать себя за обычного человека.

Себастьян оставил ему записку:

«Возможно, ты помнишь наш разговор в прошлом году, когда я приходил в себя после того, как ты меня спас из-под снежной лавины. Ты тогда приехал проведать меня. Ты открыл бутылку отличного пятидесятилетнего виски в мою честь. Я еще раз благодарю тебя за это.

Тогда ты рассказал мне, что утрата твоего отца придала тебе силы при раскопке снега, которым я был засыпан. Помнишь еще, как ты злился на своего деда за то, что он забрал тебя в Нью-Йорк и заставил откликаться на свое американское имя? Я подозреваю, ты сказал тогда, что ты не чувствуешь, что заслуживаешь права быть его наследником».

Себастьян постоянно упрекал Ставроса за то, что тот не ценит свою семью и наследство, поскольку у самого Себастьяна таких преимуществ не было. Далее в своей записке он писал:

«Я выполняю твое желание. В течение следующих двух недель Стив Михаэлс перестанет существовать. Ни он, ни его богатства, ни его авторитет. Ты – Ставрос Ксенакис, который работает на компанию «Обслуживание бассейнов острова Закинф». Ты должен явиться по месту работы завтра в шесть часов утра, это три квартала от твоего дома.

Антонио не был разоблачен за две недели его испытания, поэтому я перевожу одну треть от моих пяти миллиардов в поисково-спасательный фонд. Поступи так же, Ставрос. Так мы спасем жизнь человека. И используй это время, чтобы примириться со своим прошлым.

Себастьян».

Ставрос лег спать гораздо позже, чем следовало, во-первых, из-за разницы во времени, а во-вторых, из-за мыслей о том, каким способом он смог бы выбраться из этой ситуации. Кроме того, он не мог заснуть в этой комнате на жесткой одноместной кровати. Но все же вскоре он заснул.

Ставрос проснулся даже раньше, чем было нужно, солнце светило ему прямо в глаза. Огромные грузовики со скрипящими тормозами грохотали под его открытым окном.

Ставрос с отвращением съел мюсли с консервированным молоком, которые он нашел в квартире. По дороге на «работу» он купил себе кофе.

Его шефа звали Йоннес. Ставрос получил от него папку с картой, несколькими чертежами и заказом. Потом шеф отдал ему связку ключей и указал на грузовик, забитый инструментами и оборудованием, и сказал, что Ставрос должен разгрузить его, так как назавтра ему машину не предоставят.

В этот момент Ставросу нужно было бы уже забронировать билет домой, но он оставил все кредитные карты в Нью-Йорке в соответствии с планом. Он участвовал в авантюрах Себастьяна с первого курса университета и все еще был жив.

Следуя карте, он шел и узнавал дорогу, несмотря на изменения, произошедшие за восемнадцать лет. Его сердце билось все сильнее с каждой милей, легкие сжимались.

Он пять минут просидел на обочине подъездной дороги, стараясь избавиться от мрачных воспоминаний. Он попытался сконцентрироваться на изменениях в доме, в котором жила его семья до того момента, пока их размеренная жизнь не была нарушена из-за перевернувшейся в море лодки.

Вилла была ухоженной, но довольно скромной по современным стандартам. Его мать мечтала именно о таком доме, когда выходила замуж. Она была родом из местной рыбацкой деревни в южной части острова. Она настояла на том, чтобы ее муж использовал этот дом как свою базу. Это было место, где он мог насладиться отдыхом. Провести время со своими детьми. Мать называла его трудоголиком, который терял свои корни, проводя слишком много времени в Америке, и позволял интересам бизнеса доминировать и управлять его жизнью.

Вилла была старой, ей требовался ремонт, и отец поручил Ставросу обновить брусчатку перед центральным входом, а мать и сестры посадили бугенвиллею, которая сейчас цвела пышным розовым цветом, ярко выделяясь на белых стенах здания.

Воспоминания резали его, как нож. Ставросу захотелось развернуть грузовик и уехать отсюда прочь. Назад, чтобы предстать перед глазами деда? Назад к роли

актера второго состава, которую он ненавидел, но был вынужден играть, потому что его отца – звезды подмостков – не было в живых?

Еще раз вспомнив Себастьяна недобрым словом, Ставрос пробежал взглядом свой заказ. Ему не нужно было чистить бассейн, он должен был заменить треснувший кафель по периметру. Хозяйка дома должна была показать ему фронт работ.

Ставрос вздохнул, с отвращением вспомнив своего деда. Сначала он двадцать лет прожил под его диктатом, а теперь старик требовал, чтобы Ставрос женился. Ставрос больше не мог терпеть тот факт, что дед распоряжался его жизнью.

Ставрос позвонил, но никто не открыл ему дверь. Поэтому он вошел в калитку и пошел вниз по ступенькам во внутренний дворик, обнесенный белыми стенами, с одной стороны которого открывался вид на море. Прибытие технического специалиста не разбудило дремлющую Венеру.

Да, его напряжению нужно было найти выход. Он еще раз посмотрел на восхитительную фигуру девушки. Если она была чьей-то женой, то она явно подчеркивала статус своего мужа. Однако на ней не было обручального кольца.

Он был готов поспорить, что эта девушка была любовницей. Как же грустно, что такая красота принадлежала клиенту босса.

Раньше его не остановили бы никакие условности, но сейчас его жизнь была совсем другой.

Присев на корточки, он зачерпнул воду из бассейна в ладонь и плеснул в девушку.

Брызги воды долетели до лица Калли, и она моментально проснулась. Машинально она попыталась сесть и тут же потеряла равновесие и рухнула в воду. Солнечные очки соскочили с ее носа, руки пытались зацепиться за что-то, но твердой опоры рядом с ней не было. Она нырнула в холодную воду. О, вот это был шок!

Офелия.

Калли немного пришла в себя и прокричала, разбрызгивая воду:

– Ты наказана! Немедленно иди в свою комна ту!

Но на краю бассейна возвышалась отнюдь не Офелия, а воин-завоеватель, высокий и грозный, стоящий в лучах солнца за своей спиной. У Калли даже глаза заболели, когда она попыталась разглядеть его. Его футболка и шорты не отвлекали внимания от его крепкой, мускулистой фигуры. Его одежда, по правде говоря, обтягивала тело, как золотая броня, и подчеркивала загар на его рельефных бицепсах.

Калли не могла разглядеть его глаз, но она чувствовала на себе его взгляд. Это и отталкивало, и привлекало ее одновременно, заставляло ее дышать через раз и обдавало ее жаром, хотя она по плечи была погружена в воду.

Приятное тепло разлилось по ее телу. Но сейчас жар в теле не исчезал, отчего Калли стало не по себе. Мужчина гипнотизировал ее, рассматривал ее, как мушку в янтаре, попавшуюся в сети сексуального влечения, которое, казалось, будет длиться вечно.

Он недовольно сложил руки на груди, но в его голосе слышался смех.

– Не могли бы вы сказать, куда мне идти?

Калли почувствовала себя уязвленной.

Сердце закололо от тревоги. Калли протерла глаза, пытаясь рассмотреть незваного гостя и понять, кем он был и почему его появление ее так взволновало. На его футболке она заметила логотип компании, обслуживающей бассейны, но его она видела впервые.

– Я не услышала, как вы вошли.

– Очевидно. Поздно легли спать?

– Да. – Ей очень поздно пришло в голову, что Офелия не могла разбудить ее. Калли заснула в бассейне, потому что приехала домой только на рассвете после того, как отвезла Офелию к бабушке и дедушке в Афины. Она вела машину полночи и смогла немного подремать в ней в ожидании парома.

Такиса дома не было. И так, они находились здесь только вдвоем: она и этот дикарь.

– Я долго была в пути. – Она поплыла к лестнице бассейна. – Я знала, что придут рабочие, и не хотела пропустить вашего появления, но заснула в бассейне. Где Йоннес?

– Он дал мне задание и сказал, что у меня есть две недели.

– Да, потом у нас запланировано мероприятие. – Чувство тревоги не покидало ее. Оно стало сильнее, когда она поднималась по лестнице бассейна. Он взял ее тонкую накидку с кресла и подал ей, как джентльмен.

Но он не был джентльменом. Она не знала, кем он был, но явно чувствовала, что он что-то собой представляет и не такой плебей, как она.

Она взяла свою накидку и с трудом просунула мокрые руки в рукава. Почему ее пробирали дрожь? О, у Офелии дурной вкус! Почему эта накидка такая прозрачная? Это был подарок от нее на день рождения, и Калли подумала, что накидка будет смотреться очень изящно, когда открыла подарочную коробку. В действительности же этот предмет одежды, с этой застежкой на крючок посередине и разрезами от бедра, выглядел довольно провокационно.

Мужчина заметил это. Он невозмутимо изучал Калли сверху донизу, и от его взгляда ее волосы вставали дыбом.

Мужчины часто пожирали ее глазами, но все местные знали, что она была к ним равнодушна. Когда туристы заговаривали с ней, она притворялась, что не говорит по-английски, когда хотела сразу же остановить попытки завязать разговор.

Как бы то ни было, ей всегда легко удавалось избавиться от надоедливого мужского внимания. Но не сегодня. Она чувствовала его взгляд, и ей почему-то было по себе.

Она снова пала жертвой своей беззащитности. Но почему? Ведь в свое время она получила прививку от мужчин и их взглядов, разрушающих чужие жизни.

Но именно таким и был этот мужчина: опасно красивым, большим, сильным. Он явно не брился несколько дней, волосы просто расчесал пальцами, но все же... его впалые скулы и черные брови были прекрасны. В его взгляде читалась беззастенчивая мужественность.

В его черных глазах горело незамаскированное желание. Возможно ли, что он заранее знал, какое впечатление произведет на нее? Глаза его надменно сощурились, а в уголках рта блуждала самодовольная ухмылка.

Она не могла отвести глаз от его чувственных губ и четко очерченного подбородка.

Когда он заговорил, голос его звучал низко и глухо:

– Скажите мне, что вам нужно. Я к вашим услугам.

Ее тело вновь окатила волна жара. Боже, пусть он подумает, что ее соски затвердели от холода. Ведь именно он был причиной всепоглощающего возбуждения.

Она отступила на шаг, пытаясь уйти из зоны воздействия его агрессивно сексуальной ауры, и чуть не упала в бассейн.

Он поймал Калли за руку. Этот рыцарский жест парализовал ее. Что же происходит?

Она попыталась поднять подбородок и посмотреть на него сверху вниз.

– Отпустите меня.

В его взгляде промелькнуло удивление.

– Так вы этого хотите? – Он подождал секунду, затем опустил свои руки и выпрямился. – Идите осторожнее.

Сердце Калли стучало так сильно, что ей хотелось изо всех сил прижать руки к груди и успокоить его. Вместо этого она сжала руки в кулаки и сглотнула, чтобы избавиться от сухости во рту.

– У вас странный акцент, – произнесла она, пытаясь создать между ними дистанцию. Что-то в его голосе вызывало у нее беспокойство и опасение. – Откуда вы?

Его лицо приняло бесстрастное выражение. Что явно означало, что он говорил неправду, когда сказал:

– Я родом отсюда.

– Из Греции или с этого острова? – Она знала большинство местных если не по имени, то хотя бы в лицо. – Я не узнаю вас. Как вас зовут?

Что-то странное промелькнуло в его взгляде. Досада?

– Ставрос. Я жил за границей с двенадцатилетнего возраста. Я вернулся в Грецию, чтобы поработать в отпуске.

Она могла бы придраться к неназванной им фамилии, если бы она вдруг не поняла, откуда у него был этот акцент.

– Вы американец, – сказала она и про себя добавила: «В отпуске».

Кровь застыла в ее жилах. Нет! Никогда больше она этого не допустит! Не важно, что он так красив!

Как будто услышав обвинение в ее голосе, он откинул голову назад и сказал оскорбленным тоном:

– Я грек!

Калли знала, что всему виной ее предубеждение, скорее мнимое, чем реальное. Ей вполне доставляло удовольствие болтать с американскими семейными парами или с любой американской женщиной. Она хотела уехать в Америку. В Нью-Йорк, чтобы быть точной.

Кого она действительно презирала, так это мужчин, считавших, что местные женщины годятся только для развлечений. Не важно, откуда они приезжали сюда. Приезжали и творили что им заблагорассудится. Ее сердце кровоточило до сих пор в доказательство этого.

Так случилось, что мужчина, который лишил ее всего, в том числе и репутации, был американцем. Американец – вот в чем была вина и того, кто стоял сейчас перед ней.

– Вы здесь для того, чтобы сделать ремонт в бассейне, – резко произнесла она. – У вас только две недели. Лучше будет, если вы займетесь своим делом немедленно.

Глава 2

Наступил третий день. Ставрос был раздражен. Он прилежно работал, но работа не доставляла ему удовольствия. Десять часов он разбивал кафель кувалдой и вывозил осколки на тачке. Затем он обменялся несколькими эсэмэсками с Антонио. Компания его друга занималась в том числе и строительством самых высоких зданий в мире.

«Я могу использовать отбойный молоток?» Далее следовало фото.

«Я не стал бы. Это может нарушить целостность бассейна».

У Ставроса все равно не было денег, чтобы арендовать отбойный молоток. Он бы арендовал автомобиль, но не молоток. Сегодня утром он проехал какой-то отрезок пути автостопом на грузовике, перевозящем кофе, а дальше шел

пешком до места работы. Что себе думал Себастьян, придумывая задание? Что именно Ставрос должен был вынести из этого урока?

Но нет, это был не урок! Это была очень тяжелая работа. И эта женщина! Он хотел ее.

– Калли, – сухо ответила она, когда он спросил ее имя. Она показала ему плитки, которые треснули из-за корней дерева. Поскольку и эти плитки, и это дерево предстояло удалить, хозяева переделывали всю зону вокруг бассейна. Точнее, он переделывал.

Он зашла в дом. Периодически ее силуэт мелькал за прикрытой дверью, слышно было, как она говорит по телефону. В какой-то момент она начала готовить еду, аромат которой только раззадорил его голод.

В первый вечер он хорошо поел, но потом, подсчитав расходы, понял, что экономнее будет делать бутерброды самому. Поэтому запах орегано и чеснока, ягнятины и перца просто сводил его с ума.

Для кого она готовила? Было десять часов утра, кроме них, никого в доме не было. Даже того мужчины, который упрятал ее на острове в Эгейском море. Предположительно, женатого мужчины.

Ставрос не мог заставить себя перестать думать о ее мужчине. Или о том, как она выглядела, когда, как богиня, поднялась из воды. Физическое притяжение, которое он испытал в тот момент, было ему ранее неизвестно. Он чувствовал, что ему надо подойти ближе и дотронуться до нее. Его тело все зудело от желания.

Но она хотела убить его на месте за то, что он был американец.

Это было как пощечина, в том числе и потому, что большую часть своей жизни он пытался определить, кто он все-таки был. А именно с тех пор, как его дед выдернул его с этого райского острова и поселил на острове из бетона, именуемом Манхэттен.

Он всегда был чересчур греком, по мнению его деда, и недостаточно греком, по его собственному мнению. А тут еще и Калли уколола его в больное место.

Это заставило его еще раз вспомнить тот момент, когда она открылась ему, что хочет его. Женщина и мужчина, все остальное не имело значения, прежде всего тот, кому она принадлежала в данный момент.

Он не испытывал бессильной ярости, как в первое время после переезда в Нью-Йорк, когда ему пришлось жить так, как он не хотел. И в первый раз в своей жизни он хотел что-то доказать женщине. Заставить ее признать, что между ними проскочила искра.

Он хотел схватить ее за руки и начать целовать ее, пока она не уступила бы его натиску, показать ей...

Он слишком глубоко погрузился в свои мысли и яростно бил молотком, вкладывая слишком много силы в каждый удар. Осколок кафеля отлетел и чиркнул по коже его голени, оставляя за собой яркую линию. Вначале он не почувствовал боли, но затем его как током ударило. Ставрос выругался.

Калли по тону его голоса поняла, что что-то произошло. На протяжении нескольких последних дней она старалась не обращать на него внимания. Но она не могла проигнорировать его возглас. Она инстинктивно выключила газовую плиту и подошла к двери, ведущей во двор.

Он стоял с обнаженным торсом и обматывал свою футболку вокруг голени. На ярко-желтом полотне проступали пятна крови.

Она схватила аптечку и побежала во двор.

- Что случилось?

Она быстро сообразила, что произошло. Когда он появился утром, на нем были прочные рабочие ботинки и джинсы, но день был очень жарким, и час назад он переоделся и работал в шортах. Да! Она заметила это. И вот осколок кафеля вонзился ему в ногу.

- Дайте, я посмотрю.

Она открыла было свою аптечку, но, когда он убрал футболку с ноги, Калли поняла, что она ему помочь точно не может. Хорошо, что она не была слабонервной.

- Эту рану необходимо зашить.

- Пластырем тоже можно заклеить.

- Нет, рана слишком глубокая. Ее нужно тщательно прочистить и перевязать. Вам делали прививки?

Он снисходительно посмотрел на нее:

- Я регулярно наблюдаюсь у врача и прекрасно себя чувствую.

Ей показалось, что он говорит не о столбняке, но не захотела уходить от темы. Последние шесть лет она работала под руководством слишком требовательного босса и спасала от бед его избалованную дочь. Она научилась отстаивать свою позицию, если обстоятельства этого требовали.

- Вы знаете, где находится клиника? Это не настоящая больница, и она открыта только в дневное время. Поэтому вам лучше поехать туда сейчас, или вам придется оплачивать вызов врача на дом через пару часов, или искать лодку до материка, чтобы обратиться в больницу там.

Она старалась не обращать внимания на изгибы его обнаженного торса и запах его тела, когда он потянулся за марлей в своем ящике с инструментами.

- У меня нет машины.

- Хотите, я позвоню вашему работодателю?

- Никому не нравятся стукачи. - Ему удалось прочно обмотать футболкой ногу и зафиксировать ее с помощью марли и строительных зажимов.

– Никому не нравятся заляпанный кровью кафель. – Она кивнула на кровь, просачивающуюся из-под марли. – Я имела в виду, что он должен приехать и отвезти вас в клинику. Я заметила, что сегодня вы прибыли без машины.

– Он скажет, что я должен завершить свою работу. Что я и делаю.

Это был выпад в ее адрес, но она видела, что он работал настойчиво, явно стараясь закончить работу вовремя. Да, она часто выглядывала и скрытно наблюдала за ним. Его отношение к работе меняло ее представление о нем как о завязанном донжуане.

– Давайте я вас отвезу.

– Смотрите. – Он ущипнул себя за переносицу и выругался себе под нос. – У меня нет медицинской страховки. И у меня нет денег, чтобы заплатить сейчас врачу. Понимаете?

Калли поняла, что он пожалел о сказанном. Пожалел не о том, что признался в нехватке денег, но о том, что его положение в целом было тяжелым. В нем не было ни тени скромности, но он обладал такой уверенностью в себе, как те люди, деньги у которых били фонтанами. Как Такис, например. Кем же был этот мужчина? Что произошло с ним, что он оказался здесь?

– Вы думаете, что Йоннес уволит вас, если вы заявите о травме на рабочем месте? Он не такой. Но я скажу, чтобы врачи направили свой счет на этот адрес. Мы приложим его к счетам за ремонт. Мой босс не будет против, – сказала она, но не произнесла вслух, что оплатит этот счет из собственного кармана.

Когда она оказалась в сложной ситуации, Такис спас ее. С тех пор она всегда старалась помочь другим людям.

– Мне все равно нужно купить кое-какие продукты.

Это была еще одна маленькая ложь, и Калли даже не знала, к чему она это сказала. Может быть, чтобы пощадить его чувство гордости, потому что ей было знакомо чувство утраты самоуважения наряду со всем остальным.

А может быть, она хотела провести время рядом с этим мужчиной. Но почему она решила, что ему что-то от нее было нужно, например ее благосклонность? Эта врожденная жестокость в его облике придавала его красивому лицу властное выражение. Он был прекрасен. Она была им очарована и казалась себе жертвой хищной птицы. Застыв в благоговейном ужасе, она была на верном пути к собственной гибели.

– Ваш босс?

Сексуальное напряжение спикировало и прочно заняло свое место между ними. Она ощутила покалывание на коже, ее грудь напряглась, и ей стало тесно в бюстгальтере. Кого она пыталась обмануть? Желание немного утихло только потому, что она пряталась в доме три дня. Если он думает о ней, как и все остальные, что она любовница хозяина дома, она оставит его в неведении.

Она была напугана. Ее сердце билось о ребра, как кулак стучит по стене. Ей нужна была защита, потому что она никак не могла забыть ту свою ошибку молодости. Она запрятала ее далеко-далеко в своем сознании, но он сумел найти ее. Он нашел то, что доставляло ей боль, вытащил это на свет Божий, сдул с него пыль и спросил: «А это что?»

Ее желудок завязался узлом, а кровь едва текла по венам. Однако Калли постаралась изобразить на лице равнодушие и даже возмущение.

– Такис Каралис. – Она неловко засунула марлю и ножницы обратно в аптечку. – Владелец этой виллы. Я его экономка. А почему вы спрашиваете? Что вы подумали?

Он скользнул по ней взглядом, как бы оценивая ее заново. Это должно было обидеть ее, но вместо это в ее теле разлилось тепло. Ей хотелось, чтобы он обнаружил этот тайный источник жара в ее теле.

В этот момент она хотела быть той женщиной, которая бы ему нравилась, она хотела бы более легкомысленно относиться к вопросу интимных отношений и физических наслаждений. Его глаза обещали так много. Такое невысказанное наслаждение!

Но это был зыбкий путь, ведущий к катастрофе, это она знала слишком хорошо. И она должна была не забывать об этом.

– Вы не первый, кто думает, что я его любовница. – Она не стремилась переубедить всех заблуждающихся относительно нее, так как в те дни, когда Такис предложил ей это место, ее репутация была уничтожена. Она спокойно вынесла бы еще один презрительный комментарий, отпущенный за ее спиной.

Она должна была держать этого мужчину на расстоянии во имя своей собственной безопасности.

– Это сексизм – думать, что я живу здесь только потому, что сплю с владельцем этого дома. Или думать, что я не могу сама быть владелицей.

Он не двигался, но молчал, и это молчание сводило ее с ума.

На самом деле было глупо меряться силами с этим мужчиной. Держать его на расстоянии тоже вряд ли получится.

Эта мысль была настолько возмутительной, что Калли только и смогла сделать, что выпалить:

– Я жду вас у машины.

Она ушла в дом, где быстро переложила мусаку, которую только что закончила готовить, в контейнер и поставила его в холодильник. Когда она искала свои ключи и кошелек, она почувствовала, что ее руки дрожат.

На улице она обнаружила, что он заблокировал ее машину ящиком с новой кафельной плиткой и бочкой с осколками старой. Нет, она могла повредить автомобиль. Калли бросила взгляд на его самодельную перевязку. Должно быть, он испытывал адскую боль, но переносил ее стоически.

– Нам придется взять скутер. – Она направилась к гаражу и взяла свой шлем. Ему она протянула шлем Офелии. Оба шлема были розового цвета, как и мопед «Веспа».

– Он слишком маленький, – сухо сказал Ставрос.

– Я уверена, вы правы. На вашу большую голову трудно найти подходящий шлем, – сказала она и сразу же одернула себя: «Заткнись, Калли!» Она отложила в сторону его шлем и не стала застегивать свой. – Вы доберетесь сами?

– Да я не знаю, где клиника! Я могу истечь кровью, до того как ее найду. Нет, как бы то ни было, отвезите меня.

В его голосе слышался сарказм, но последние слова прозвучали мягко, как бархат. Калли почувствовала слабость. В ее воображении возникли картинки, которые она никогда не решилась бы описать словами. Она вывела мопед с места стоянки и завела его.

Ставрос занял вдвое больше места, чем Офелия. Он, не смущаясь, обхватил ее руками и поплотнее уселся, зажав ее между своих бедер.

Она напряглась и наклонилась вперед, но из-за этого ее копчик оказался еще ближе к его паху. Она не могла увильнуть от жара, исходящего от его обнаженного влажного торса и крепких бедер. На ней были шорты и майка-борцовка. Их тела имели слишком много точек соприкосновения. Он опустил свои руки ей на бедра, слегка вдавив кончики пальцев в ее тело.

Она перестала дышать. Ей показалось, что по ней пробежал электрический ток, стимулируя все ее эрогенные зоны.

Его щетина царапала ее обнаженное плечо, а его дыхание обжигало чувствительную кожу в том месте, где шея переходит в ключицу.

– Может, нам стоит поторопиться, чтобы успеть спасти мою жизнь?

– Я как раз раздумываю, стоит ли она того, чтобы ее спасти.

Он рывком придвинулся вперед и прижался к ней еще плотнее, зажав ее ягодицы между своих ног.

Она в отчаянии тронулась с места, испытывая некое облегчение от того, что шлем был снабжен звукоизоляцией, а мотор ревел достаточно громко, и поэтому она не услышала его смех за своей спиной, хотя и почувствовала, что он смеется.

Она чувствовала, как он смотрит по сторонам, в то время как они проезжали по наиболее живописным уголкам острова, мимо экстравагантных вилл на вершине холма. Затем, когда они спустились с холма, дорога начала петлять по побережью и подобралась к крутому утесу. Со стороны горы над их головами каменная изгородь не давала пасущимся овцам выйти на дорогу. Но Калли все же на всякий случай снизила скорость. Запах плодов лимонных деревьев наполнял утренний воздух, и она невольно расслабилась, когда прохладный бриз скользнул по ее коже.

Большие пальцы его рук переместились на ее теле, и она вновь почувствовала растущее напряжение. Трепет предвкушения пронесся по ее груди, заставляя ее желать, чтобы он поднял руки, накрыл и успокоил ее ноющие груди и теснее прижал бы ее к себе.

Откуда она могла знать, какие ощущения она испытала бы, если бы все это произошло в действительности? Ее сексуальность угасла, еще не успев расцвести. Она не хотела желать прикосновений этого мужчины. Это было безумие.

Они спускались вниз по крутым поворотам. Входя в поворот, она невольно ближе прижималась к нему и практически теряла голову. Она выбрала этот маршрут, потому что он был короче, но обычно она выбирала другие пути для поездок в город. Это место было слишком оживленным, толпы туристов досаждали ей.

К сожалению, эта дорога вывела ее напрямую к кафе, где сидели местные мужчины и наблюдали за проходящими мимо людьми. Ее отец часто сидел в том кафе, и Калли, подъезжая к заведению, взяла себя в руки и стала смотреть строго перед собой.

Скорее всего, он не признал бы ее, особенно из-за мужчины, который сидел за ее спиной. Он просто проигнорировал бы ее появление точно так же, как она бы проигнорировала его.

Они выехали на деревенскую улицу, и она была рада, что они поехали на скутере. Скутер позволял ей объезжать дорожные пробки по дороге в клинику. Наконец они прибыли, и она припарковала мопед на заднем дворе клиники, где стояли машины персонала.

– Кто такая Офелия? – спросил он, когда они слезли с мопеда.

– Как... – Она проследила за его взглядом и увидела шлем, который она повесила на руль мопеда. – Ах да, я забыла про шлем.

Она стерла выцветшие слова на задней части своего шлема, которые она написала после того, как Такис купил мопед: «Офелия, прекрати!»

Калли была всего на девять лет старше девочки. У самой Калли не было братьев и сестер, поэтому она воспринимала Офелию как свою младшую сестренку. Но чаще Калли испытывала к ней глубокие материнские чувства. Она любила Офелию и ужасно скучала по ней, несмотря на то что иногда девочка становилась совершенно невыносимой.

– Офелия – дочь Такиса. Я присматриваю за ней. Такис много времени проводит в поездках, а ей только что исполнилось четырнадцать, и она смогла убедить его отправить ее в школу-интернат. Сейчас она со своими бабушкой и дедушкой, они покупают все, что необходимо для школы. Она выросла из этого острова много лет назад!

Но Такис не хотел признавать этого. Потеряв свою жену, он хотел как можно дольше держать при себе свою дочь. К сожалению, это привело к тому, что девочка начала бунтовать и устраивать истерики.

И Такис наконец-то разрешил девочке расправить крылья. Это ослабило узел, сплетенный из благодарности и подлинной любви, который удерживал Калли на этом месте, заставляя заниматься воспитанием девочки в то время, когда она тосковала по собственному ребенку.

– Значит, вы няня. – Он произнес это так, как будто не мог поверить, что Калли могла быть няней.

– Да, я няня, экономка, организатор мероприятий. Я делаю то, что требуется Такису. – Она направилась к клинике. – За исключением того, что вы предположили.

– Хорошо, – он шел быстрее, чем она, и открыл дверь в клинику, пропустив ее первой. При этом она не смогла отвести глаз от его рельефной груди, поросшей мягкими черными волосами, его загорелой бронзовой кожи, его темно-коричневых сосков. – Я рад, что вы ни с кем не встречаетесь.

– И я не собираюсь что-либо менять в своей жизни, – хрипло заявила она, хотя пыталась произнести эту фразу убийственно надменным тоном.

– Так даже лучше будет.

Это было как удар под дых. Калли тряхнула головой, проходя мимо Ставроса.

– Я должна была дать вам одну из старых рубашек Такиса. Я куплю вам что-нибудь в магазине через дорогу. После того, как мне выпишут счет.

* * *

Ставрос вышел на улицу, пряча в карман рецепт на антибиотики. Лечение в клинике оказалось на редкость примитивным. Он мог бы сообщить врачам название гораздо более эффективных лекарств, недавно разрешенных к применению, но тогда он рисковал бы раскрыть свою личность.

Еще когда он бинтовал свою рану, он понял, что не сможет воспользоваться своей международной медицинской страховкой, которая была выписана на имя Стива Михаэlsa, наследника международной фармацевтической корпорации. Но указывать свое греческое имя в анкете клиники было тоже рискованно. Медсестра, женщина предпенсионного возраста, начала внимательно разглядывать его, когда увидела его имя на анкете, и в результате заявила, что ходила в школу с одной женщиной, которая впоследствии вышла замуж за Ставроса Ксенакиса. Не родственники ли они, случайно?

Очевидно, что последствия будут хуже, чем ноющая боль в его голени. Кроме того, Антонио прожил две недели под чужим именем, так и не дав себя

разоблачить. Ставрос не мог позволить себе проиграть в игре, из которой его друг вышел победителем.

Он увидел Калли, стоящую в тени рядом с мопедом. Когда он подошел к ней, он заметил ее восхищенный взгляд, скользнувший по его обнаженному торсу. Этот взгляд выдал, что пренебрежительное отношение Калли к нему было притворством. Калли развернула и протянула Ставросу футболку. На ее лице застыло выражение обиженной матери семейства.

На футболке был изображен греческий флаг: белые полосы флага развевались по голубой ткани. Надо сказать, что этот дизайн понравился Ставросу, он мог бы и сам выбрать себе именно эту футболку, если бы носил футболки с логотипами.

– Я думал, на ней будет написано «Греция».

– Я практически уже купила футболку с надписью «Сделано на Олимпе», но, знаете, зачем заявлять об очевидных вещах?

– Осторожно, Калли. Это звучит так, как будто вы считаете меня привлекательным! – Он пожал плечами, глядя на футболку, и сказал себе, что это его бунтарская натура заставляла его провоцировать Калли. Боже мой, она была няней! И эта та, которая так надменно разговаривала с мастером по ремонту бассейнов! Она была для него забавным развлечением, но не той, из-за которой стоило потерять голову.

– Можете и дальше убеждать себя в этом, – Калли отвернулась, чтобы взять шлем.

– Да это вы убеждаете меня в моей привлекательности. – Он схватил ее за руку и дождался, пока она взглянет на него. – Каждый раз, когда смотрите на меня.

Он схватил ее за вторую руку и оттянул ее локти назад. У нее была возможность отпрянуть, но она этого не сделала даже тогда, когда ее груди слегка прижались к его торсу.

Она затаила дыхание и уперлась руками в его грудную клетку, задрала подборок, демонстрируя сопротивление, но не сказала ни слова, чтобы он

остановился. Ее ресницы слегка подрагивали. На шее билась жилка, но она не была испугана. Она была возбуждена.

Она бросала ему вызов.

Вот почему он потерял голову. Примитивное, мощное желание нарастало в нем, как ответ на ее манящую песню сирены.

– Я распознаю знаки, которые подает женщина. – Он посмотрел вниз и увидел, что ее соски затвердели под мягкими чашечками бюстгалтера. Он захотел прикусить их зубами прямо через ткань. – Эти знаки везде на вашем теле. Так же как и вы чувствовали мое возбуждение всю дорогу, пока мы ехали сюда. Это наша реакция друг на друга. Зачем отрицать это?

В его паху снова возникло мощное возбуждение, особенно в тот момент, когда он увидел, как она разомкнула свои губы. Он ожидал ее слов, но она только шумно дышала.

Импulsive желание впитаться в ее губы накрыло его. Но сначала он попробовал на вкус кожу ее шеи, с удовольствием услышав тоненький вскрик удивления, который она издала, почувствовав его горячий язык на своей коже, пахнущей кокосом и лавандой. Она таяла под его губами.

Когда он добрался до ее губ, она беспомощно вскрикнула и прижалась к нему всем телом, прижимая свои мягкие груди к его груди. Ее губы были самыми мягкими и отзывчивыми из всех, целованных им раньше. Он буквально изнывал от желания. Она сводила его с ума, она снилась ему каждую ночь, и вот, наконец, она принадлежала ему.

Ставрос отпустил ее руки и скользнул своей рукой вниз, чтобы обхватить ее ягодицы и прижать ее мягкий живот ближе к пульсирующему очагу желания между своих ног. Другую руку он запустил ей в волосы, заставил ее откинуть голову и снова впился губами в ее шею, наслаждаясь осознанием того, что ее колени слабели, и она была вынуждена обхватить его шею руками и беспомощно повиснуть на нем, прижав свой холмик к его возбужденному члену.

Он хотел спрятаться с ней в тени и взять ее там, у стены клиники, но услышал звук машины, паркующейся на гравии за их спинами. Он заставил себя поднять

голову и дождаться, пока она поднимет тяжелые веки и посмотрит на него своими золотисто-кариыми, медовыми глазами.

– Может, ты отпустишь еще один комментарий о моем финансовом положении, чтобы поставить меня на место? – Его голос был невозмутим, но он не позволял никому, оскорбившему его, уйти безнаказанно. Не важно, какая роль полагалась ему в сценарии Себастьяна. Он по-прежнему был мужчиной, а не слабаком.

Она побледнела и оттолкнула его, опуская глаза от стыда.

– Это было наказание? Не тебе меня учить!

Горечь в ее голосе, как хищная птица, схватила его за внутренности. Она натянула шлем на свои черные блестящие волосы, избегая его взгляда, но он видел, как дрожали ее густые ресницы.

Он привык к утонченным женщинам, которые без лишнего смущения предлагали себя ему. А когда стало известно, что его дед пожелал женить его, вокруг Ставроса стали косяками кружить прекрасные пираньи, обещая ему любое плотское удовольствие за кольцо на пальце.

А эта женщина стояла перед ним с выражением смятения на лице и губами, распухшими от поцелуев, в невзрачной одежде на теле, которое было здоровым и подтянутым от физических нагрузок, а не от изнурительных диет и вмешательства пластических хирургов. Когда она ответила на его поцелуй, это не было уловкой женщины, пытающейся завлечь мужчину своим телом. Она была горячей и изнывающей от желания, полностью потерявшей контроль над собой, почти как и он сам.

Он положил руки на ее плоский живот, заставляя ее замолчать и посмотреть на него.

– Я поцеловал тебя, потому что хотел этого.

– Ты поцеловал меня, потому что думал, что имеешь право на это. – Она схватилась за застежку шлема на подбородке. – Я поняла в первый же день, когда увидела тебя, что ты за человек.

Она схватила его пальцы и с презрением сбросила его руку со своего живота.

– Я забылась, но больше не допущу такой ошибки.

– Это потому, что я американец? То есть недостаточно грек для тебя?

Презрительная ухмылка на ее лице, как нож, вошла в его тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kollinz_deni/samaya-nesluchaynaya-vstrecha

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)